

Бочки урезанных миллиардов

ЛЕОНИД ГРИГОРЬЕВ

Главный Советник Руководителя Аналитического центра при Правительстве РФ, профессор НИУ ВШЭ

Два года назад наша статья (см. Л. Григорьев «Бочки миллиардов, № 1–2/2019») была посвящена трудной стабилизации на рынке нефти на базе соглашения ОПЕК + Россия. С позиции 2017–2019 годов можно сказать, что базисные интересы основных игроков на рынке нефти сохранились, но внешние объективные условия, равно как и масштаб рисков, степень их понимания основными игроками, необходимая глубина взаимодействия серьезно изменились. А вот с позиций конца 2020 года все прошлые модели рынка и рассуждения о действиях кажутся теперь невероятно рациональными, хотя и тогда хватало импульсивности и эмоций в серьезных решениях. Новая ситуация – намного сложнее для компаний отрасли, участников рынка, правительств: бочек меньше и миллиарды урезаны. Общая экспортная выручка стран ОПЕК в 2020 году сократилась почти вдвое: с \$595 млрд до \$323 млрд. И это чуть больше четверти от доходов ОПЕК (\$1,2 трлн) в 2012 году.

В конце 2020 года мировая экономика находится в рецессии и складывается своего рода новый эквilibrium спроса и предложения. Прирост глобального ВВП в III квартале против глубокого падения во II – еще не оживление как фаза делового цикла, а пока важная, но коррекция (см. «ВВП по ППС с сезонной очисткой...»). МВФ дал оценку падения ВВП по паритету покупательной способности в 2020 году в 4,4% (прогноз на 2021 – плюс 5,2%) и минус 4,7% в текущих валютных курсах (плюс 4,8%). Для развитых стран оценки намного более мрачные – минус 5,8% (плюс 3,8%). Практически это означает, что восстановление мирового ВВП до уровня 2019 года ожидается только в 2022 году. А если посчитать мировую динамику без Китая, то прогнозы и того пессимистичнее – до предкризисного уровня идти, видимо, больше года.

Разумеется, во многом ход рецессии будет зависеть от развития пандемии. Пока успех в борьбе с ней – при очень жестких ограничениях на социальную жизнь – виден лишь в Китае и нескольких небольших странах. Но в США, Бразилии и Индии, в Латинской Америке идет спираль первой волны, а в Европе пришла вторая волна с большей мощностью заболеваний. Новые ограничения снижают экономическую активность в ЕС, России и ряде других стран и регионов. Учитывая фактор наступающей зимы и сложности массового лечения, экономическое оживление в мире заторможено на неопределенный срок. Это, естественно, также откладывает возобновление международного сообщения, туризма, миграции и восстановление нормальной жизни на срок, который, судя по графикам заболеваемости в мире, как минимум до весны 2021 года (а оценки МВФ были сделаны в начале второй волны, в октябрьском обзоре).

ВЫГОДЫ И РИСКИ КОЛЕБАНИЙ НА РЫНКЕ

До 2020 года мы наблюдали сложные, иногда двояко интерпретируемые маневры Саудовской Аравии. В США реакции производителей сланцевой нефти на падение цен были значительными, но не фатальными. Они упорно «не хотели гибнуть», демонстрировали преимущество либерального рынка, новых технологий, продолжали понижать свои издержки добычи и оставались угрозой остальным производителям. Одновременно политические действия США выбивали с рынка иранскую и венесуэльскую нефть, создавая условия для поддержания хрупкого равновесия спроса и предложения. Российское «вмешательство» в переговоры производителей с января 2016 года обеспечило определенную стабильность на четыре года подъема.

Аналитики в сфере энергетики обычно не отмечают важного положительного эффекта от соглашения ОПЕК+ для других отраслей. А ведь это был реально действующий механизм глобального управления (точнее – global governance, но этот термин не имеет адекватного перевода на русский язык), которого как не было, так и нет во многих других областях мировой экономики и полити-

ки. Хотя он был основан на горизонтальной координации производителей, основная польза от его существования досталась не столько напрямую нефтяникам, сколько всему мировому бизнесу, а значит, и потребителям. Экономический подъем 2016–2019 годов в мире был бы невозможен без предсказуемости по ценам энергоносителей (привязанным до известной степени к цене на нефть). Тот коридор в \$50–65 за баррель создавал разумные издержки у стран и отраслей потребителей энергии и относительно приемлемые доходы экспортерам. И этот коридор поддерживал капиталовложения в той структуре мирового хозяйства, как она сложилась в этом деловом цикле, в частности довольно значительные «зеленые инвестиции» всех видов.

От потоков нефтедолларов зависит гораздо больше сегментов мировой экономики, чем это видно невооруженным глазом. Разумеется, существует огромная разница между интересами добывающих отраслей в развитых и развивающихся странах – дело в собственниках и корпоративном контроле. Ведущие компании развитых стран в основном зарабатывают на переработке сырья, а не на добыче, но продают свои нефтепродукты на конкурентных рынках. Это означает, что нормы прибыли в переработке невелики и колебания цен на нефть – особенно в США – сразу передаются на цену конечной продукции (бензин). Удешевление нефти не дает большого выигрыша в доходе мейджорам, но топит чистых добытчиков (в сланцевом сегменте).

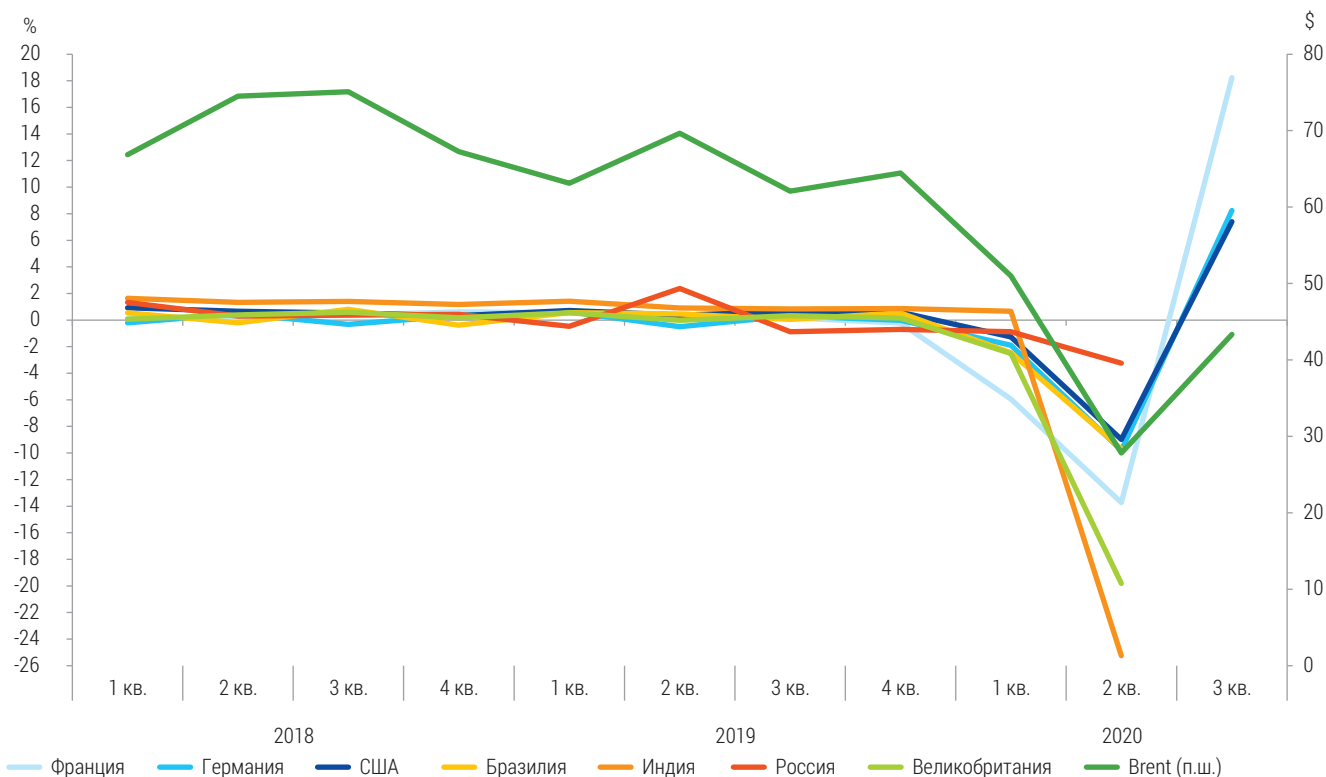
Заметим на всякий случай для российского читателя, что банкротство малых фирм и сокращение числа действующих буровых установок не означает подрыва способности сланцевой промышленности к быстрому росту добычи: банкротятся фирмы, но не вышки, которые скорее дешевеют, переходят в новые руки и модернизируются в случае нового ценового бума.

Большие нефтяные компании Запада платят не только большие налоги, но и дивиденды, и им приходится работать над эффективностью производства, повышать прибыли и соответствовать ожиданиям инвесторов, рейтинговых агентств и акционеров. Государственное участие там явно видно в технологической политике (гранты и налоговые инструменты) и в международной политике, но не в дивидендах или колебаниях курсов акций (исключения редки).

В арабских странах компании в основном носят государственный характер, у них нет обычных дивидендов и не всегда легко отличить финансы государства от бюджетов больших компаний. Государство определяет как направления развития компаний, так и расходование средств на общегосударственные нужды, социальные программы. Договоренности по добыче и ценам им легче соблюдать (и дебиты скважин у них обычно много выше), но на таких компаниях лежит и тяжесть ответственности за национальное благосостояние.

Сложность российской ситуации носит смешанный характер: компании частично частные, частично государственные, доходы от них идут как государству через налоги и экспортные пошлины, так и акционерам и стей-

ВВП ПО ППС С СЕЗОННОЙ ОЧИСТКОЙ, ТЕМПЫ ПРИРОСТА, СРЕДНЕКВАРТАЛЬНЫЕ ЦЕНЫ НА НЕФТЬ МАРКИ BRENT

Источник: составлено автором на основе данных ОЭСР и Thomson Reuters

кходерам. Различие дебитов скважин, природных условий, издержек добычи и инвестиций делает российскую ситуацию крайне сложной для управления добычей.

Сжатие добычи всеми типами компаний запускает цепочку превращений в экономике, как при каждом отраслевом кризисе. Компании сокращают занятость, могут появиться трудности с выплатой долгов, уменьшаются объемы заказов на оборудование. Уже известно о снижении ведущими компаниями мира капиталовложений по итогам 2020 года на 30% против запланированных ранее. Поскольку многие районы добычи требуют постоянного инвестирования на поддержание производства, а рецессия (вслед за эпидемиями первой и второй волн) явно затягивается, то создаются все же предпосылки для взлета цен в будущем, хотя мы бы не рекомендовали на это рассчитывать в текущей политике.

Сокращение добычи и доходов стран-экспортеров влекут за собой не менее сложный набор последствий. Сами страны теряют в основном налоговые поступления в бюджеты (при отсутствии или минимуме частных дивидендов), что подрывает сложившиеся системы социальной поддержки населения, трансферты иным странам. Одновременно отрицательный шок передается в мировое хозяйство через сокращение импорта

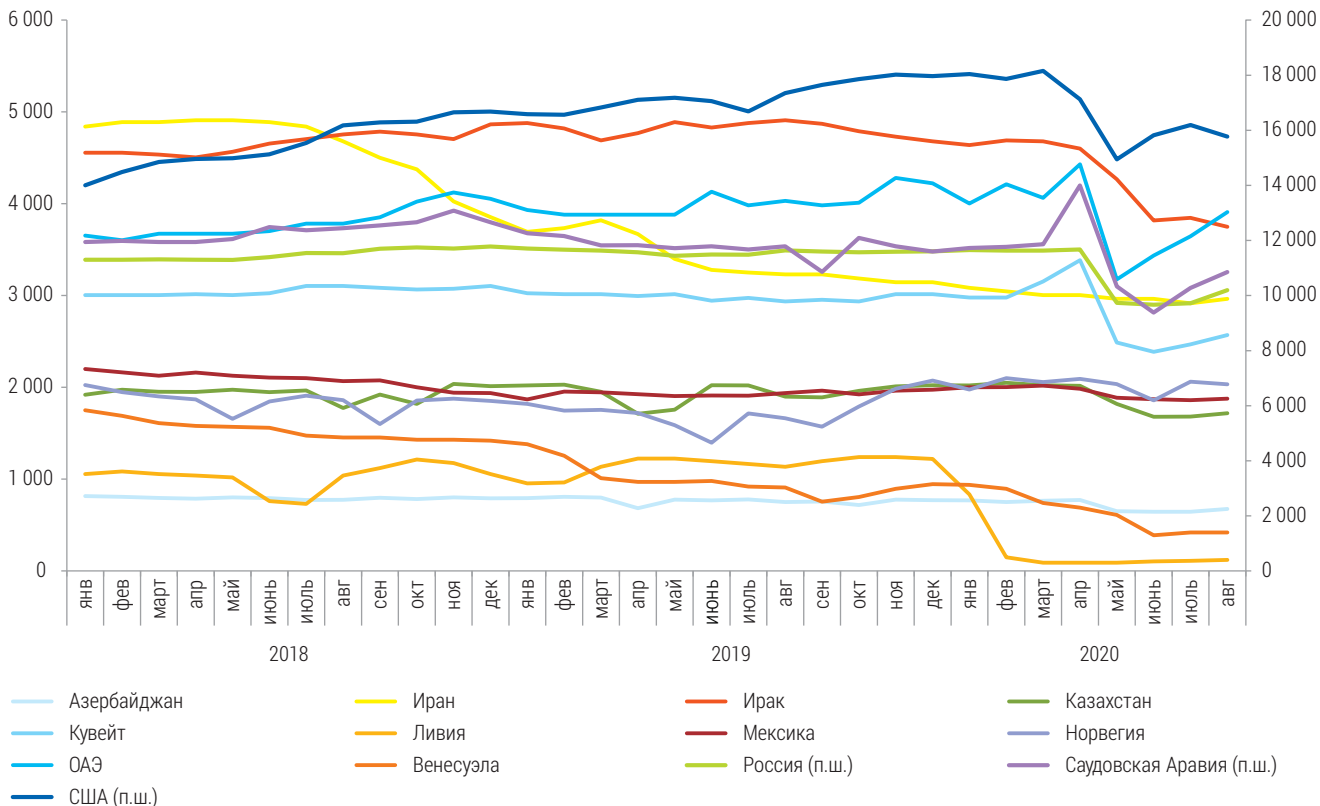
стран-нефтедобытчиков и сжатие переводов личных средств из этих стран гастарбайтерами.

В 2020 году масштабы сжатия оплаты услуг, переводов и иных доходов в развивающиеся страны особенно суровые: потеряли свои доходы не только гастарбайтеры в нефтедобывающих государствах, но и в странах (и зонах) – курортах и поставщиках рабочих мигрантов в те страны, которые теперь охвачены рецессиями и запретами на въезды. Только по личным переводам развивающийся мир потерял (по расчетам Всемирного банка) огромную величину – минус 19,9% (падение с \$714 млрд в 2019 году до \$572 млрд). Реакция МВФ и МБРР – помощь 81 стране – летом уже превысила \$101 млрд. Это важная поддержка взамен утраченных доходов, но, разумеется, она уступает экономическим потерям этих стран. Значительная часть потерь идет по цепочке (или скорее по спирали) от развитых стран, но в большой мере и от стран ОПЕК, чья выручка демонстрирует огромные перепады.

Так что в мире идет очередное громадное перераспределение валовых доходов, потоков капитала и личных переводов, прибылей и бюджетных средств. Действуют фактически два стартовых триггера на понижение экономической активности в данной рецессии: карантин

ДОБЫЧА НЕФТИ В 2018–2020 гг..

тыс. барр/сут.

Источник: составлено автором на основе данных МЭА

и цены на нефть. Но они усиливают друг друга в ходе сжатия и запустили уже обычный процесс рецессии: снижение капиталовложений, падение налоговых сборов, рост долгов т. п. Некоторый рост экономической активности в III квартале был естественной коррекцией, но вторая волна пандемии, похоже, затормозит выход на оживление.

ДОБЫЧА И СОГЛАШЕНИЕ ОПЕК++

Соглашение ОПЕК++ от 9 апреля 2020 года создало условия для постепенного снижения огромных коммерческих запасов нефти, которые в апреле заполнили все хранилища и танкеры и которые было дороже содержать, чем продать. С самого начала 2020 год дал несколько внешних шоков: коронавирус и карантин, ценовую войну на нефтяном рынке и глубокую рецессию (подробнее см. Л. Григорьев, Е. Музыченко и В. Павлюшина «Падение в мировую рецессию», «Вопросы экономики», № 5–2020).

В феврале-марте 2020 года экспортеры нефти опять «встали на грабли» (ранее они это делали как минимум четыре раза: в 1985, 1998, 2009 и 2014 годах). И в ходе ценовой конкуренции между собой (случай из учебника

микроэкономики) они снова обрушили цены на рынке. Остальное доделал COVID-19 с его карантинами в марте-апреле.

Надо отдать должное скорости обучения участников процесса координации в данном случае. Карантины и падение ВВП в марте, короткий биржевой шок 9 марта и обвал цен на нефть вместе взятые в кратчайшие сроки привели к новому соглашению ОПЕК + Россия + США (ОПЕК++) от 9 апреля.

Историки найдут массу конкретных соображений, почему так оно произошло в те критические месяцы (февраль-апрель), но одна загадка останется. Она состоит в том, почему мировые элиты не могут просчитать точку равновесия интересов населения, бизнеса и бюджетов своих стран иначе, чем доведя дело до открытого спазма.

Тем не менее соглашение ОПЕК++ продержалось уже полгода. Заметим, что оно – в отличие от ОПЕК+ – не вызвало заметной критики как картельное. При новом Президенте США Джо Байдене и при продолжении рецессии потребуются очень серьезные способности участников соглашения к глобальным компромиссам по добыче ради стабильности ценового коридора.

Ценовая война на фоне обрушения спроса и ввода карантинных мер не имеет аналогов, но она была бы похожа на пожар на тонущем «Титанике». В апреле равновесие на рынке было полностью нарушено, хранилища переполнены и без нового соглашения в тяжелый кризис отправлялись бы сразу несколько стран-экспортеров (\$10 – это много ниже издержек), ряд отраслей экономики (добыча сланцевой нефти в США). Эта катастрофа коснулась бы не только развивающихся стран, но также и Австралии, Канады, Норвегии и т. д., причем долговые проблемы могли создать дополнительные трудности внутри ОЭСР. Подчеркнем, что страны-потребители не получили бы выгоды, стоящей остальных рисков и потерь: пришел бы внешне-торговый шок от сокращения импорта стран-экспортеров нефти, потом наступил бы сбой в капиталовложениях бизнеса и сборе налогов и углубление рецессии, – причем все это без учета эффекта карантинных мер.

Соглашение ОПЕК++ дало ориентир для добычи нефти практически всеми значительными производителями в ситуации, в которой будущий спрос был неизвестен. Рынок нефти в 2020 году живет в рамках исторического эксперимента, в котором скрытая технологическая конкуренция продолжается, но это влияет в среднесрочном плане. При этом считается, что в долгосрочном плане спрос на нефть будет снижаться еще и под воздействием климатической политики.

В краткосрочном периоде, в ходе рецессии закономерности рынка становятся более жесткими и скоротечными. Страны-производители в этих условиях несут огромные потери в доходах по сравнению с прошлым годом. Так, три крупные производителя дали основное сокращение добычи (см. «Добыча нефти в 2018–2020 гг.»). Но свою роль – как и в прошлые годы – сыграли печальные политические события в трех нефтедобывающих странах или вокруг них. В 2020 году значительное падение добычи было в Венесуэле и Ливии, которые вместе с Ираном, по понятным причинам, не принимали на себя обязательств по сокращению добычи в рамках апрельского соглашения. Остальные страны участвуют в соглашении настолько, насколько согласились (долю снижения Мексики взяли на себя США).

Снижение добычи по соглашению ОПЕК++ от 9 апреля было в целом осуществлено странами-участницами, хотя есть разночтения в учете. США также выполнили неформальные обязательства по сокращению добычи. По сути дела, соглашение показало, что нефтяники всех стран в целом грамотно и сходным образом оценивают обстановку на рынке и в состоянии спланировать работу мировой отрасли. Этот «мировой госплан» сработал довольно удачно, так что нефтяная отрасль постепенно сокращает избыточные запасы нефти, адаптируется к новому коридору цен. Разумеется, всегда остаются риски нарушения соглашений, но в данном случае ясно видна победа «миллиардов над бочками» – все хотят доходов, а не продать как можно больше бочек. Основа устойчивости соглашения ОПЕК++ в том, что три ключевые страны его в основном выполняют. США снизили добычу практически на 20% на уровне компаний по эко-

номическим причинам и без административных решений (как в ОПЕК). Саудовская Аравия пошла даже на перевыполнение сокращений. К концу ноября 2020 года появились сообщения, что КСА и Россия начали обсуждать продление ограничений на добычу и на 2021 год, что представляется реалистичным подходом в условиях европейской второй волны пандемии.

В конце 2020 года мировая экономика находится в рецессии и складывается своего рода новый эквilibrium спроса и предложения

Мировая цена на нефть в коридоре \$35–45/барр играет роль равновесной на 2020 год, создавая хотя бы минимум предсказуемости для бизнеса и правительств в данный период времени. Она устраивает (то есть не усугубляет кризис) большинство стран – чистых потребителей нефти, дает выжить сланцевой нефти (будет выше цены – вернется более высокая добыча). Она не слишком устраивает экспортеров, но они вынуждены терпеть. Для России эта цена приемлема для столь тяжелого периода пандемии и рецессии. Практически мы имеем некоторый прогноз по мировой экономике, по внешним условиям развития страны, которые можно использовать для внутреннего планирования и развития.

РЕЦЕССИЯ – ПОТРЕБЛЕНИЕ

Мировое потребление нефти в последние годы шло приростами примерно по 1 млн барр/сут. в год и достигло в 2019 году знаковых 100 млн барр/сут. Споры специалистов шли о том, когда будет «пик нефти» и каким он будет. В общем без углубления в детали можно было представить себе, что пик будет достигнут примерно в 2030 году и в районе 110 млн барр/сут. Но в 2020 году производство и потребление по году в среднем, видимо, скатилось вниз на 9,5%, или на 9,5 млн барр/сут., хотя понемногу идет вверх по месяцам. Прогнозы относительно роста экономической активности не дают особенного оптимизма. Но при соблюдении соглашения ОПЕК++, при ослаблении пандемии и оживлении экономической активности можно ожидать стабильности цен для обеих сторон этого огромного рынка.

Падение потребления нефти имеет несколько важных аспектов, которые во многом определяются характером собственно рецессии. В обычных кризисах ситуацию можно было охарактеризовать как сравнительно простую: падение спроса на сырье в нефтехимической промышленности, снижение интенсивности спроса на топливо на транспорте, меньше в жилищном секторе. Текущая рецессия стартовала с падения спроса на все виды нефтепродуктов, в том числе на треть на дорожном транспорте и на две трети – на авиационном. Спец-

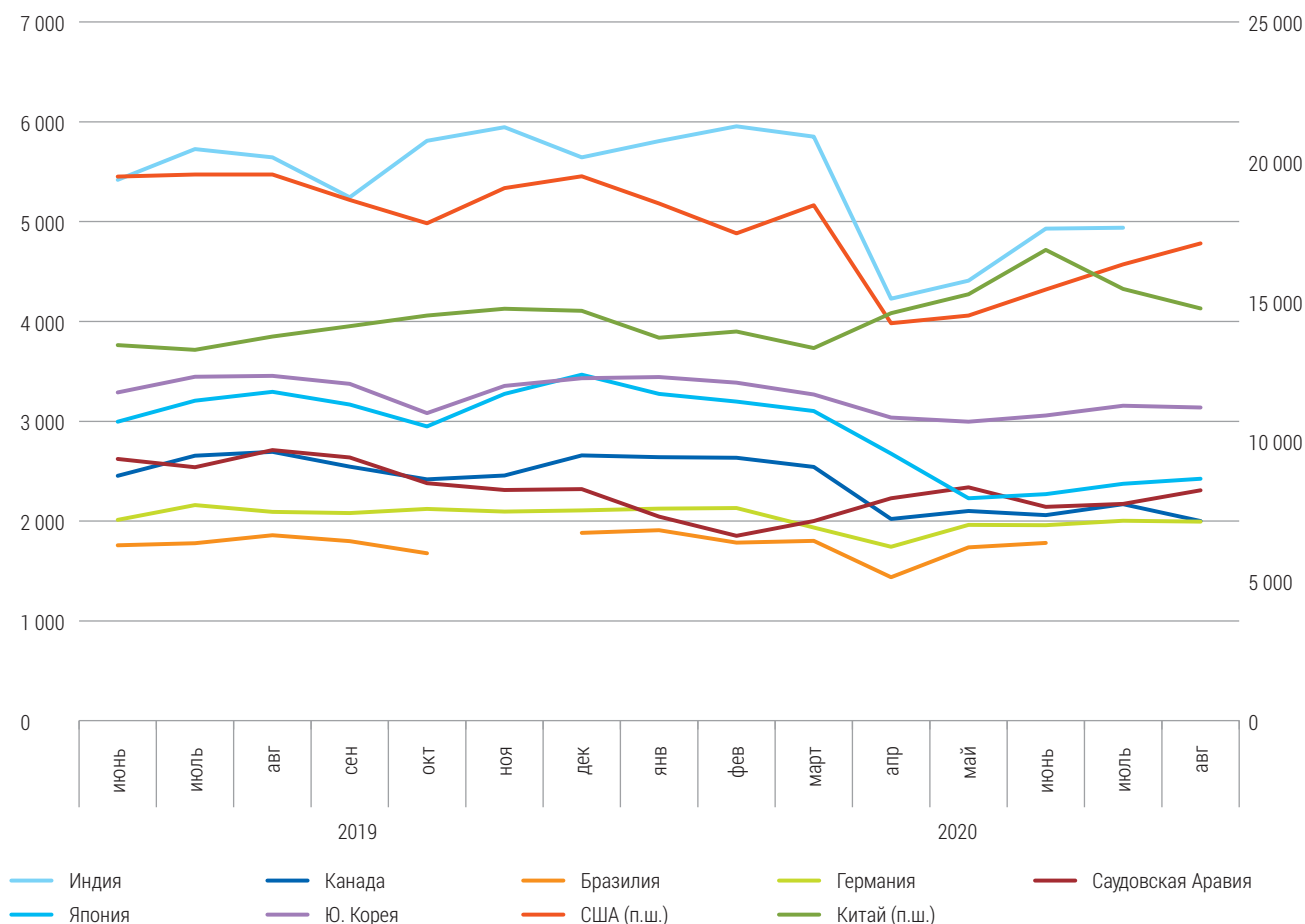
ифика входа в рецессию состояла в карантинах в сферах общественного питания, отдыха и развлечений, снижении использования автомобильного транспорта (сокращение числа поездок на работу) и в уменьшении социальной активности в целом. Жилищный сектор должен работать в сезонном режиме (отопление), промышленность находится в рецессии со страновой спецификой. Автомобильный транспорт оживился летом (особенно в России), но в конце октября остается на коронавирусном уровне. Он различается по странам, однако находится ниже исходного уровня января-февраля на 10–20% в континентальных странах Европы, на 25% в США и Индии, на 30% в Великобритании и на 10% в России. Учитывая наступление зимы и второй волны карантинов в Европе, сложный ход пандемии в США, Индии, Латинской Америке, мы вряд ли ожидаем скачков в расходовании автомобильного топлива.

Самый тяжелый удар пришелся по авиационному транспорту, интенсивность работы которого практически опустилась до уровня перевозки дипломатов и студентов по обмену. Поразительно, как самый быстро развивавшийся сегмент мирового транспорта – авиация – оказался подавленным коронавирусом, причем радикально и надолго. Без развития доверия между странами, лечения и вакцинации, гарантий безопасности, простого и быстрого контроля на границах для всех авиация не сможет восстановиться, а в апреле 2020 года снижение спроса на керосин оценивалось в 5 млн барр/сут.

Сокращение потребления нефти в ведущих странах, естественно, соответствует отраслевой конфигурации рецессии по странам (см. «Объемы используемой нефти по странам – крупным потребителям»). Но в принципе для будущего мировой экономики важна конфигура-

ОБЪЕМЫ ИСПОЛЬЗУЕМОЙ НЕФТИ ПО КРУПНЫМ ПОТРЕБИТЕЛЯМ

тыс. барр/сут.

Источник: составлено автором на основе данных JodiOil

ция сокращения нефти и других видов энергоносителей в ходе тяжелой рецессии. Уже отмечен рост покупок электромобилей вместо дизельных автомобилей в ЕС, но при сократившемся общем объеме покупок. Будет ли это устойчивой тенденцией в будущем, разовьется ли коронавирусная рецессия в «зеленое оживление», по крайней мере в ЕС, – определится позже. Пока мы имеем дело с внезапным кризисом и коррекцией поведения семей в условиях появления принудительных сбережений у состоятельных слоев из-за закрытия услуг (отсюда и бум покупок жилья).

Выход из мировой рецессии будет сложным. И многое будет зависеть от того, насколько грамотно распорядятся ключевые экспортеры своими ограниченными финансовыми ресурсами. Импортзамещением страны с доминированием сырьевого сектора обычно начинают заниматься в условиях кризиса и санкций, так

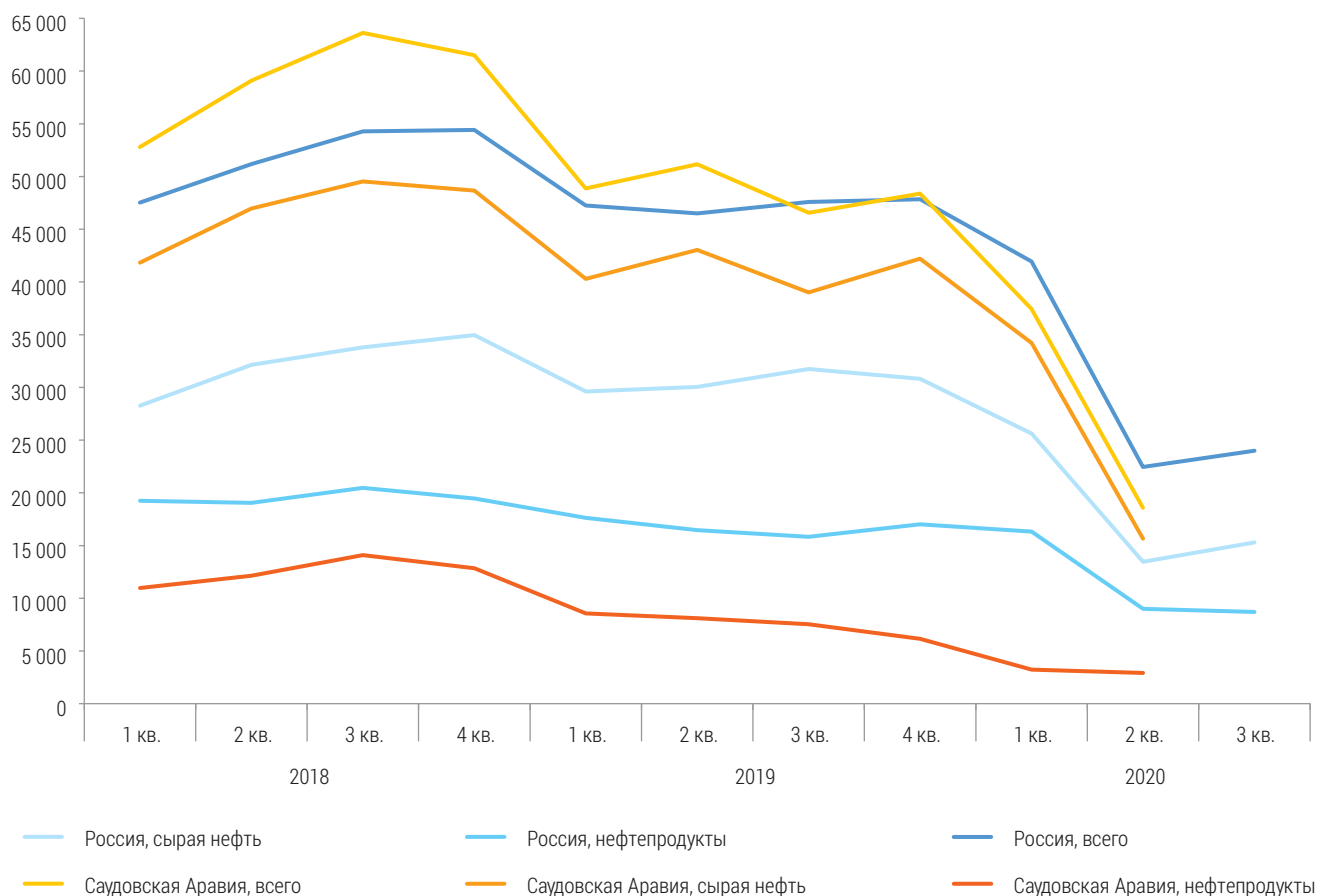
что данный процесс активизируется и при ограниченных ресурсах.

Мы полагаем важным отметить не только сокращение доходов стран ОПЕК в целом, но и сравнить ситуацию в России и КСА по валовой экспортной выручке в 2020 году (российская по ЦБ, саудовская – по производству экспорта в объеме на цены корзины ОПЕК). Мы видим резкое сокращение экспортной выручки обеих стран во II квартале, и это при действии соглашения ОПЕК++. С ростом цен в III–IV кварталах ситуация улучшилась, но тем более важно сохранить стабильность рыночных условий на обозримое будущее (см. «Экспортные доходы от нефти и нефтепродуктов Королевства Саудовской Аравии и России»).

Процесс выхода мировой экономики из пандемии и рецессии будет дольше и сложнее, чем ожидалось весной и летом 2020 года. Мы должны подчеркнуть, что этапы

ЭКСПОРТНЫЕ ДОХОДЫ ОТ НЕФТИ И НЕФТЕПРОДУКТОВ КОРОЛЕВСТВА САУДОВСКОЙ АРАВИИ И РОССИИ

\$ млн/квартал

Источник: составлено автором по данным ЦБ РФ (данные по России), JodiOil (добыча в КСА) и Thomson Reuters (цены на корзину ОПЕК)

выхода из одной и развития другой принципиально не совпадают. Оживление СМИ, политиков и общества многих стран летом 2020 по поводу снижения уровня заболеваемости, открытия бульваров и магазинов, даже пабов базировалось на желании открыть экономику и вернуть нормальную жизнь, иногда еще и перед выборами.

Выход из пандемии не может быть локальным – Китай и другие страны когда-то должны открыться миру снова. Этапы оживления привязаны к выходу из пандемии через открытие секторов услуг (кайтеринга, развлечений, путешествий на автомобилях, отелях и курортов). На них приходится значительная часть потребления в развитых странах вообще, и особенно – потребления состоятельных слоев общества (пятый квинтиль у социологов – 20% наиболее состоятельных). Именно их расходы на услуги были в наибольшей степени остановлены карантинами. Причем речь идет именно о ресторанах, путешествиях и курортах, а значит, и о значительном объеме расходов, связанных с использованием автомобильного и авиационного топлива (пренебрежем электроэнергией и газом).

Это одна из наиболее удивительных особенностей рецессии 2020 года – падение потребления (не спроса!) услуг, которые практически были иммунными к кризисным спадам. Так что сокращение безобидного туризма и мобильности состоятельных граждан в целом оказало негативное воздействие на глубину рецессии и судьбу мирового рынка нефти. Мы не имеем возможности здесь анализировать эту проблему детально, но предложим небольшую схему с приложениями для туризма, транспорта и потенциально рынка топлива.

Новые карантинные ограничения снижают экономическую активность в ЕС, России и ряде других стран и регионов. Учитывая фактор наступающей зимы и сложности массового лечения, экономическое оживление в мире заторможено на неопределенный срок

Первый этап – снижение роста заболеваемости и начало снятия ограничений. Люди начинают передвигаться на личном транспорте и посещать магазины, хотя потребительские расходы еще невелики. С этого уровня началось снятие карантинных ограничений весной нынешнего года и в значительной мере мир туда и возвращается.

Второй этап – частичное возобновление международного движения людей: полеты внутри Китая, США, с середины июля открылись внутренние границы ЕС. Отметим, что вторая волна инфекции заставила во многих случаях ввести осенью новые ограничения, поэтому спрос на авиационный керосин вырос, но не радикально.

Третий этап – снятие карантинных ограничений в производстве, торговле. Летом этот процесс шел быстрее, чем казалось ранее. Данный этап выводит экономическую активность в ряде стран со дна кризиса в производственной сфере, но не может обеспечить оживление в сфере услуг, где самые большие потери занятости.

Сокращение добычи и доходов стран-экспортеров влекут за собой не менее сложный набор последствий. Значительная часть потерь идет по цепочке от развитых стран, но в большой мере и от стран ОПЕК, чья выручка демонстрирует огромные перепады

На четвертом этапе надо возобновлять международные перелеты. Большое европейское оживление в 2021 году будет возможно только после открытия массовых и бизнес-курортов Средиземноморья. Ирония судьбы Средиземноморской (бывшей Римской) курортной империи состоит в том, что она дает работу массе людей, а массе туристов дает солнце, отдых и неповторимый образ жизни. Поэтому оценки снижения ВВП Франции, Испании и Италии на 2020 год заметно пессимистичнее, чем у соседей. Возможность возврата на круги своя будет зависеть от наличия надежной, быстрой и дешевой диагностики заболевания, пригодной для безопасного авиасообщения, и от доверия между сторонами. А без возобновления авиaperелетов будет трудно сбалансировать рынок нефти на более высоком уровне – существенно не хватает спроса именно на авиационный керосин.

Мы имеем дело с уникальным кризисом личного потребления состоятельных слоев общества во всем мире, а в части туризма это относится к четырем типам стран. Малые страны с доминированием доходов от туризма страдают больше всего и пытаются открыть пляжи. Страны с курортными зонами (включая бизнес и ВИП) – Испания, Италия, Франция, Бразилия, Мексика, Индия, ЮАР – нуждаются в массовом туристе, но и надо заполнить и пятизвездочные отели (бизнес-классы самолетов, бизнес-ложи и бутики). Россия входит в иную группу – поставщиков масс туристов средних и высших классов (вместе с Великобританией, США, Германией, Китаем и другими). И наконец, есть еще страны-поставщики персонала (сезонного и постоянного) в страны с развитой рекреацией.

Скажите мне, сколько устриц и осьминогов съели американцы, русские и китайцы в пространстве между Мон Сен-Мишель (Нормандия) и Афинами, – и я скажу, какой у вас рост ВВП в средиземноморских странах. **✎**